

КРУГЛЫЙ СТОЛ «КОНКУРЕНЦИЯ — ПРОТИВОРЕЧИВЫЙ ИДЕАЛ»¹

Данная публикация является развернутым отчетом по итогам круглого стола «Конкуренция — противоречивый идеал», организованного Государственным университетом — Высшей школой экономики и Академией народного хозяйства при Правительстве РФ 20 декабря 2010 г.

На круглом столе выступили эксперты в области социальной и моральной философии, экономической социологии, юриспруденции и экономики отраслевых рынков. Рассматривались различные аспекты понимания природы и содержания феномена конкуренции, его оправдания как общественного явления и иные вопросы, составляющие предмет междисциплинарной теории конкуренции.

Ключевые слова: универсальная и инструментальная ценность конкуренции, формы и модели конкуренции, антимонопольное регулирование, моральное оправдание конкуренции.

Участники дискуссии:

Авдашева С. — докт. экон. наук, ординарный профессор НИУ ВШЭ;

Горбатенко Д. — юрист;

Кагарлицкий Б. — канд. полит. наук, директор Института глобализации и социальных движений;

Кузнецов Ю. — канд. экон. наук, обозреватель сайта Inliberty.ru;

Мартынов К. — канд. филос. наук, ст. преподаватель НИУ ВШЭ;

Новиков В. — старший научный сотрудник Академии народного хозяйства при Правительстве РФ, член редколлегии журнала «Экономическая политика»;

Радаев В. — докт. экон. наук, профессор, первый проректор НИУ ВШЭ;

Сазонов С. — юрист;

Сушкевич А. — канд. экон. наук, начальник Аналитического управления ФАС России;

Тотьев К. — канд. юрид. наук, доцент НИУ ВШЭ;

Ульянов А. — канд. экон. наук, заместитель генерального директора ФГУП «Судоэкспорт», советник Президента ООО «Деловая Россия».

На круглом столе философы, социологи, юристы и экономисты обсудили актуальность для российской конкурентной политики статей Джеральда МакКаллума² и Гарольда Демсеца³, а также следующие вопросы⁴:

¹ Развитие научной дискуссии, открытой публикацией работы Фридриха фон Хайека «Смысл конкуренции», расширило границы рубрики «Теория конкуренции», в предметное поле которой попали не только проблемы определения эффективности и применимости конкретных теоретических моделей и форм экономической конкуренции, но и более широкие сюжеты, связанные с сущностью конкурентного процесса, философским и методологическим базисом теории конкуренции, этической и моральной оценкой конкуренции как социального феномена.

² MacCallum G. C. Competition and Moral Philosophy / Singer M. G. Martin R., ed. Legislative Intent and Other Essays on Law, Politics, and Morality. The University of Wisconsin Press. 1993. P. 203–223 (русский перевод см. на сайте: <http://www.hse.ru/data/2010/12/16/1208289854/MacCallum-ed2-1.doc>).

³ Демсец Г. Столетие антимонопольного законодательства — так ли уж знаменателен этот юбилей? // Экономическая политика. № 4. 2010.

⁴ Более подробно постановка проблемы представлена на сайте: <http://www.hse.ru/data/2010/12/16/1208289851/problem.doc>.

1. Нуждается ли конкуренция в оправдании? Если да, то в чем оно состоит?

2. Возможно ли «максимизировать конкуренцию»? Если нет, то каким должно быть желательное сочетание форм конкуренции?

3. Какую роль сегодня играет «модель титула» в обсуждении деловой конкуренции? И какую должна играть?

Стенограмма

Новиков В.

Тема сегодняшнего круглого стола «Конкуренция — противоречивый идеал». Если проанализировать дискуссию в экономической политике, то создается впечатление, что как минимум по одному вопросу в обществе установился консенсус — по вопросу конкуренции. Сложно найти людей, которые считали бы, что конкуренция не нужна или неважна. И Председатель Правительства РФ Путин В., и его Первый заместитель Шувалов И., и другие члены Правительства России отмечают, что конкуренцию нужно развивать. То же заявляют и оппозиционные политические деятели. Например, в написанной Миловым В. программе «300 шагов к свободе» объединенного движения «Солидарность» стержневой линией является именно конкуренция. О политической и экономической конкуренции, их взаимосвязи речь идет во многих дискуссиях. Ведущие колумнисты, не принадлежащие ни к одной из политических партий, такие как Рогов К., посвящают данной теме целые статьи.

На первый взгляд, консенсус достигнут. Тем не менее считаю, что в нем чего-то не хватает. Видимо, этот консенсус оказался с «дипломатическим привкусом»: о словах договорились, а по существу — нет. Потому что как только пытаешься разобраться, что же именно люди понимают под «конкуренцией», оказывается, что часто под этим словом подразумеваются разные вещи.

Полагаю, видимость консенсуса возникает из-за того, что к конкуренции относятся

недостаточно серьезно. В противном случае было бы видно, что при точном формулировании терминов, не важно, в какой традиции, конкуренция — достаточно требовательный идеал. В настоящее время она представляется идеалом довольно нетребовательным. И после того, как достигнуто согласие в том, что конкуренция нужна и важна, остаются несколько вопросов, которые должны обсуждаться.

Первый вопрос общего порядка: есть ли серьезные причины считать конкуренцию желательной?

Предлагаю в ходе сегодняшнего разговора использовать в качестве рабочего определения конкуренции ситуацию, которая описывается тремя условиями. Допустим, есть два человека: X и Y . Конкуренция — это такая ситуация, когда:

1) X выполняет некоторое действие A_x для того, чтобы достичь цель G_x ;

2) Y выполняет некоторое действие A_y для того, чтобы достичь цель G_y ;

3) если X получит G_x , то Y не достигнет G_y (и наоборот).

Итак, ситуация конкуренции предполагает, что несколько людей или их объединений стремятся к достижению определенных целей и что если одни из них достигнут своих целей, то по этой причине другие не смогут их достичь. То есть ситуация конкуренции неизбежно подразумевает неоправдавшиеся ожидания и расходование ресурсов, которое не привело к искомой цели.

Причем речь идет не просто о нереализовавшихся ожиданиях, «несчастном случае», а о специально сконструированном несчастном случае, когда люди нередко сознательно мешают друг другу достигать того, что каждый из них считает ценным.

Возникает первый ряд вопросов: действительно ли следует считать эту ситуацию желательной? Почему необходимо стремиться к нереализовавшимся ожиданиям?

Это заставляет сомневаться в том, что описанная ситуация конкуренции является самоцелью и ценностью *сама по себе*.

Вполне возможно, что ее ценность *инструментальна*, и она ценна в силу способности помочь в получении каких-то иных ценностей и важных целей. Но могут ли эти ценности оправдать конкуренцию и какие они?

Вопрос о ценностях является тем более значимым, что во многих (если не во всех) случаях выбор стоит не между наличием конкуренции и ее отсутствием (или наличием большей и меньшей конкуренции), а между разными *формами конкуренции*. Конкуренция принимает множество форм, которые в различной степени могут содействовать реализации того, что принято считать ценностью конкуренции.

Например, сегодня на рынке гречки между собой конкурируют потребители: кто больше заплатит денег, тот и получит товар. Допустим, правительство примет решение заняться ценовым регулированием и установит цену на гречку, которая будет ниже конкурентной равновесной цены. То, что произойдет в этом случае, можно описать как ограничение конкуренции. Но в таком описании содержится неточность, потому что мы получим ограничение не конкуренции вообще, а всего лишь ценовой конкуренции. Другие формы конкуренции, наоборот, от этого будут развиваться: вместо конкуренции деньгами потребители будут конкурировать способностью достаточно длительное время стоять в очереди и выстраивать отношения с директорами магазинов.

Это порождает второй ряд вопросов: почему первая форма конкуренции считается ценной, а вторая — нет? Почему нужно развивать одну форму конкуренции, а другую — нет? Можно ли утверждать, что один из предложенных вариантов конкуренции *лучше*, чем другой? И останутся ли ответы на данные вопросы прежними, если речь пойдет о распределении лекарств в пострадавшем от наводнения городе?

В любом случае ответы на поставленные вопросы зависят от того, благодаря каким свойствам конкуренция считается ценной

(не важно — сама по себе или инструментально).

Если же окажется, что нельзя привести различные формы конкуренции к единому показателю «интенсивности конкуренции», придется вслед за Г. Демсецем признать, что задача «развития конкуренции» и «максимизации конкуренции» не имеет смысла, и можно говорить лишь о «выборе наилучшего сочетания форм конкуренции».

На выбор наилучшего сочетания форм конкуренции, по всей видимости, будут оказывать влияние наши предпочтения относительно двух описанных МакКаллумом идеальных типов конкуренции — «модели титула» и «модели обладания».

В «модели титула», наиболее четко проявляющейся в спортивных состязаниях и конкурсах красоты, конкурентные ситуации рассматриваются как способ выявить сравнительные достоинства конкурентов. При этом необходимо определить и значение одного фактора, которое проверяется в человеке или в компании, исключить значение всех прочих факторов, а после убедиться в том, что конкуренция выявила лучшего в данной изолированной площадке состязания по отдельному фактору. Поэтому конкуренция в рамках «модели титула» предполагает тщательно сконструированные правила (регулирование) и идеальную организацию конкурентной ситуации, близкую к научному эксперименту, — только та черта, которая подлежит проверке, должна влиять на исход конкуренции, а действие других факторов должно быть изолировано.

«Модель обладания» полагает главным результатом конкуренции не выяснение степени наличия у соискателей того или иного достоинства, а само по себе получение соревнующимися желаемого. Во многих случаях деловой конкуренции имеет значение только результат — «кто произвел самый дешевый товар»? — и не важно, следствие ли это «особого умения» данного производителя или его опыта, масштаба производства, местонахождения в стране с дешевой рабочей силой, получения государственных суб-

сидий и т. д. В рамках такой модели конкуренции регулирование является не необходимым условием, а скорее препятствием.

Различение этих двух идеальных моделей конкуренции имеет следующие последствия.

Во-первых, в дискуссиях по вопросам конкуренции многие исследователи, в особенности сторонники либеральной традиции, часто оправдывают не ту конкуренцию, которая происходит и, возможно, должна происходить на самом деле.

Существует широко распространенная либеральная идеалистическая традиция отождествлять рыночное вознаграждение с талантом, эффективностью и другими «заслугами» соискателей. Объясняя таким способом справедливость результатов конкуренции, сторонники либеральной экономики часто пользуются именно «моделью титула», как если бы конкуренция была способом идентификации, выявления и проверки наличия таланта или иных способностей. В рамках этой традиции предполагается, что государство и, в частности, антимонопольные регуляторы несправедливо препятствуют деятельности успешных компаний.

Такой риторический ход, по моему мнению, во многом ошибочный, потому что в реальности деловая конкуренция ближе к тому, что описывается «моделью обладания», и жизнь не дает оснований увязывать обоснование результатов конкуренции с соображениями справедливости.

Во-вторых, возникает соблазн приблизить реально существующую конкуренцию к формату спортивного состязания. Речь идет о необходимости различного рода регулирования для выравнивания условий соперничества: создать преимущества для фирм-новичков, нарождающихся отраслей и т. д. или гандикапы для тех, кто получает субсидии от иностранных государств либо действует в странах с меньшим уровнем налогов и др. Этот ход мыслей представляется «проблематичным».

Предлагаю перейти к обсуждению трех стоящих на повестке дня вопросов:

1. Нуждается ли конкуренция в оправдании, и если да, то в чем это оправдание состоит?

2. Возможно ли «максимизировать конкуренцию»? И если есть какое-то несводимое друг к другу множество различных форм конкуренции, то каково желательное сочетание этих форм?

3. Какую роль в обосновании конкуренции сегодня играет то, что МакКаллум называет «моделью титула», и какую должна была бы играть, т. е. действительно ли деловая конкуренция должна быть похожа на спортивное состязание?

Сазонов С.

Я намерен защищать точку зрения, согласно которой конкуренция ценностно нейтральна или даже вредна, поэтому нуждается в оправдании, и такое оправдание отсутствует. Это можно доказать следующим образом. Например, за счет наличия неких эмпирических фактов. Когда говорят о полезности конкуренции, обычно имеют в виду конкуренцию не вообще, а конкуренцию в одной очень специфической ситуации. Думаю, никто не будет спорить с тем, что самым острым, жестким и наиболее чистым вариантом конкуренции является война во всех ее видах: между государствами, гражданская война внутри государства или бандитская разборка — это наиболее жесткие и чистые варианты конкуренции. Однако общепризнано, что такая конкуренция вредна.

Далее следует менее очевидный тезис из того же ряда — конкуренция между потребителями. Здесь работает принцип сообщающихся сосудов: когда ужесточается конкуренция между производителями, ослабевает конкуренция между потребителями, а когда конкуренция между производителями слабеет, растет конкуренция за потребление. Вспомним Советский Союз с острым товарным дефицитом и длинными очередями

ми. Это была настоящая *cutthroat competition* между потребителями, которая тоже не считается чем-то важным, полезным, благотворным, что нужно стимулировать на государственном уровне.

Как аналитически можно показать, что конкуренция не является полезной?

Предлагаю представить некую идеальную модель абсолютно свободного рынка, в котором все участники обладают полной, достоверной и актуальной информацией о состоянии рынка, а также идеальным предвидением. Допустим, им точно известно, какие в системе имеются ресурсы; они всегда способны идеально точно рассчитать, к чему приведет то или иное рыночное действие. В этой модели нет конкуренции, потому что как только у одного из участников появляется возможность производить какой-то товар лучше другого участника, последний сразу понимает, что его конкурент будет производить товар лучше. Это значит, что если он продолжит конкурировать, то его бизнес разорится, и он будет вытеснен с рынка. Поэтому второй участник конкурировать не станет, а уступит свое место, продаст бизнес и уйдет в другую нишу, где так же безболезненно «подвинет» других конкурентов. Итак, в такой идеализированной рыночной модели с полной информацией конкуренции нет.

Конкуренция появляется в реальном мире, где, как известно, нет ни полного знания ресурсов, ни способности точно предвидеть исход той или иной рыночной ситуации, т. е. конкуренция — следствие человеческого несовершенства и ошибок. Конкуренция возникает в той отрасли, где появляются два производителя, один из которых ошибочно считает, что он способен конкурировать. И в процессе конкуренции происходит то, что в идеальном мире сразу случается без него. То есть конкуренция — некая сила трения, замедляющая экономический процесс и уменьшающая, а не увеличивающая его эффективность. Как видим, конкуренция — это как раз та ситуация, находясь в которой, все субъекты стараются ее избежать. Ес-

ли бы у любого участника рынка была возможность точно знать о результатах своих рыночных выборов и конкурентных действий, то, конечно, он, не колеблясь, воспользовался бы ею.

Для рынка это лучше, потому что не были бы потеряны ресурсы на производство товаров, которые потом все равно никто не купил бы из-за более выгодного рыночного предложения наиболее эффективных конкурентов.

Поясним эту мысль на примере следующей аналогии. Представим себе пешехода, идущего из точки *A* в точку *B*. Способ, которым из точки *A* он перемещается в точку *B*, называется «ходьба». Идея стимулировать конкуренцию, увеличивать ее эффективность аналогична умозаключению, согласно которому, поскольку ходьба есть способ перемещения из точки *A* в точку *B*, следовательно, это полезное действие, а значит мы должны заставить пешехода переходить в точку *B* не с максимально возможной скоростью, а, наоборот, растягивать процесс перемещения бесконечно долго. То есть идея стимуляции конкуренции — это идея торможения экономического процесса; идея о том, что мы должны мешать субъекту достичь конечной позиции. В реальном мире, так как рыночная ситуация постоянно меняется, он бежит за этой конечной позицией. Поэтому считаю, что конкуренция является не причиной работы экономической системы, но неким ее следствием.

Позволю себе еще одну аналогию. Когда человек болеет, и организм борется с болезнью, повышается температура, но мы не делаем из этого вывода, что нужно повысить температуру больного для того, чтобы победить болезнь. Конкуренция действительно является некоторым индикатором. Как температура есть индикатор того, что организм достаточно силен, чтобы бороться с болезнью, так и конкуренция — индикатор здоровья рыночной системы, но пытаться изменить работу системы, воздействуя на показания индикатора, бессмыс-

ленно. По этой причине не только считаю, что конкуренцию не нужно каким-то образом стимулировать, но и склоняюсь к тому, чтобы данную концепцию вообще отложить и формировать наш взгляд на экономику, не прибегая к ней как к центральному понятию.

Новиков В.

Хотелось бы уточнить, правильно ли я понимаю, что если конкуренция есть мера неравновесия, то практическое продолжение звучит примерно так: не думайте о конкуренции, а только о попадании в равновесие?

Сазонов С.

Да, о попадании в пункт *В*.

Кузнецов Ю.

Новиков В. предложил модель, в которой конкуренция — это когда один не может достичь цели по причине того, что другой достиг свою цель. Рассмотрим конкуренцию, которую обычно считают хорошей — экономическую, т. е. когда два производителя конкурируют за потребителя. Если потребитель купил что-то у одного, а не у другого производителя, причиной недостижения этим другим цели является не то, что первый достиг свою цель, а то, что потребитель выбрал первого производителя. То есть предложенная ранее модель не имеет никакого отношения к тому, что происходит на рынке. На самом деле то, что называют рыночной конкуренцией, или рыночным процессом, состоит не в том, что двое, трое, четверо конкурируют за «доли рынка», как пишет МакКаллум, а в том, что существует некий субъект, который делает выбор. Конкуренция — название для контрфактической стороны данного выбора: если я выбрал одно, значит не выбрал другое. Но это названо отдельным словом, и дальше такая «отдельная» характеристика ситуации превращается в некую субстанцию, которую предлагается стимулировать. Действительно, делать это — то же самое, что стимулировать тем-

пературу. Это стандартный «австрийский» подход к вопросу конкуренции.

Предлагаю перейти в несколько иную плоскость и прокомментировать данную ситуацию с философской позиции. Если говорить о статье МакКаллума, где предложены идеальные модели конкуренции, то эта работа принадлежит к левому дискурсу. Достаточно вспомнить тех, кого автор цитирует. МакКаллumu рыночный процесс представляется борьбой неких активных субъектов — естественно, злых капиталистов, — за контроль над абсолютно пассивными рынками. Потребитель как субъект у него отсутствует полностью. Именно поэтому МакКаллум свел в одно рыночную конкуренцию, спортивное соревнование или некое состязание. Это единственная причина, по которой такие принципиально разные вещи названы одним словом.

Попытка рассмотреть рыночный процесс в аспекте соревновательности равносильна тому, чтобы сравнивать несравнимые сущности.

Надеюсь, что доступно объяснил разницу между рыночным процессом и конкуренцией в смысле соревновательности: существует только выбор потребителя. Если некий контрагент совершает выбор, то контрфактическая сторона этого выбора называется конкуренцией. Рынок подвержен изменениям. Существует деятельность людей, которые ставят перед собой определенные цели: одни стремятся продать, другие — купить. Но приходит философ, который заявляет, что на самом деле они конкурируют, потому что кто-то из них может испытывать чувство соперничества и, абстрагировавшись от покупателя, можно представить, что они соперничают. Поэтому философ предлагает поставить вопрос о том, является ли это соперничество ценностью и сделать его предметом политэкономии и политики. То есть от моральной философии мы триумфально идем к политике. Переформулировав предмет, можно начинать регулирование, приводить в действие различные рычаги.

Сазонов С. привел пример с предложением стимулировать ходьбу, у меня заготовлен близкий к этому пример. У человека есть руки. Давайте теперь субстанцируем «рукость», наделим реальностью такую абстракцию и дальше зададимся вопросом: рукость — это ценность инструментальная или конечная? Следующий шаг — создать федеральную службу по «рукости». На уровне наблюдений это стандартный ход современного человека, который движим желанием контроля над реальностью. Он субстанцирует разные аспекты реальности, аксиологизирует их, объявляет ценностью и старается «рулить». Разные люди берут разные аспекты реальности и превращают их в цели политики.

Новиков В.

Хотелось бы сделать пояснение. Считаю, что Кузнецов Ю. не вполне точно истолковал написанное мной. *Во-первых*, схема, о которой мы говорим, необязательно предполагает соперничество и даже знание конкурентов о наличии друг друга. Ситуация конкуренции понимается как объективная, и в целом она разгружена от психологических черт, которые могут быть включены в эту схему, но конкуренция не требует их наличия.

Во-вторых, фигура потребителя в данной схеме, с одной стороны, отсутствует, а с другой — присутствует, т. е. цель схемы — описать отношения между конкурентами, а не то, каким механизмом генерируется взаимоисключаемость их целей. Эта схема может включать в себя и потребителя. Предположим, что X — производитель, который что-то продает; Y — потребитель, с которым он торгуется, например, о цене или свойствах поставляемой услуги. Таким образом, модель включает в себя не только конкуренцию между участниками отрасли, но, как это понимали классические экономисты, и конкуренцию между потребителем и производителями.

Мартынов К.

Постараюсь коротко описать обозначенную участниками круглого стола проблему с

позиции аналитического философа. На мой взгляд, за рассуждением о моральной философии, с одной стороны, и конкуренции как предмете изучения экономической науки, с другой, стоит огромное количество самых разных непониманий — идеологических, политических, а также интеллектуально-лингвистических в широком смысле слова. Об этом свидетельствует сегодняшняя дискуссия. Мы начинаем говорить о некотором термине «конкуренция», после чего выясняется, что его можно интерпретировать по-разному. Действительно, если добавить к первоначальной картине некое активное начало — потребителя, то тогда данная проблема предстанет в совершенно ином свете.

Тем не менее мы имеем право задать себе вопрос: конкуренция — это хорошо или плохо? И если хорошо, то при каких условиях конкуренция становится чем-то хорошим? На мой взгляд, за данным вопросом стоит идеологический разрыв между апологетами либеральной рыночной экономики в широком смысле слова и традицией социализма. У каждой из них есть свой язык, и носители этого языка совершенно не склонны друг друга слышать, понимать, вступать в какую-то осмысленную коммуникацию. Речь в данном случае идет не о том, что существует научная школа либералов, которые собираются на конференциях, общаются друг с другом и публикуют свои статьи, и есть социалисты, которые ходят на митинги и призывают бороться с капитализмом. На самом деле все сложнее.

В нашем обществе соответствующие языки тесно переплетены, и отношения между их носителями действительно странные. В последние годы меня серьезно волнует вопрос, почему руководство страны время от времени снова возвращается к теме спекулянтов. Президент России ездит по стране и борется со спекулянтами в качестве репрессивного органа с неясными полномочиями. У меня есть знакомый из Саратова, который почти разорился из-за того, что

туда приехал Медведев и твердо заявил, что «здесь не должно быть спекулянтов!». Всех участников рынка заранее предупредили о том, что, например, сахар должен стоить, скажем, 10 руб., вне зависимости от его рыночной цены. Продавцы снизили цену, сахар раскупили, и теперь они думают, где взять деньги, чтобы купить его на рынке. Это пример сложной нелингвистической проблемы. В России не какие-то популисты, а руководители страны на уровне главы государства и исполнительной власти отвечают за конкретную экономическую политику, поэтому вынуждены обращаться к теме справедливой цены и соответственно влиять на рыночную ситуацию. Получается, что, с одной стороны, конкуренция — это очень хорошо, а с другой — ее нужно регулировать и ограничивать в абстрактных интересах покупателей.

Если попытаться дать данной ситуации какой-то диагноз, он будет состоять в систематическом отсутствии диалога. Все говорят о своем, и никто никого не хочет слушать. В таком контексте представляется, что разговор должен начинаться с того, что и либерализм, и социализм — это идеологии, восходящие к Французской революции и все-таки разделяющие общие базовые ценности, свободу, равенство и братство. Однако уже из школьной программы мы знаем, что между данными идеологиями есть различие: либерализм утверждает, что источником свободы, равенства и братства становится частная собственность как институт, а социализм постулирует, что частная собственность препятствует реализации этих ценностей. Полагаю, недостаточно много говорится о том, что конкуренция в условиях реального мира, ограниченности нашего знания и отсутствия идеальных агентов экономических отношений как раз является или может являться тем инструментом, позволяющим институту частной собственности обеспечивать политические и моральные ценности, которые мы все разделяем, — свободу и равенство. Поэтому конку-

ренция нуждается в моральном оправдании в том смысле, что так же невозможно говорить о конкуренции ради самой конкуренции, как бессмысленно рассуждать о соревновании ради соревнования. Соревнование является способом добиться чего-то, установить какой-то конечный результат. Соответственно нужно говорить о том, что определенные виды конкуренции в определенных контекстах позволяют обществу добиваться своих моральных идеалов. Вопросы, связанные с экономическим процветанием, сегодня нами не рассматриваются.

Этот клубок непонимания сформирован не только из-за идеологии, характерной для нашего общества. Та же проблема существует в отношении моральной философии в целом. То есть ни кантовский категорический императив — отношение к человеку как к цели, а не как к средству, ни даже реконструкция протестантской этики Вебера не видят ценности конкуренции. Та интерпретация источников капитализма, которую наблюдаем у Вебера, указывает на бережливость, трудолюбие, честность в отношении своих партнеров и клиентов, но не на конкуренцию. Возможно, это связано с тем, что классическая моральная философия возникла до того, как философы обратили свое внимание на торговлю — сложный мир, нуждающийся в объяснении. Поэтому даже у Смита есть очевидная разница в описании нравственных чувств, с одной стороны, и богатства народов, с другой. Мы вынуждены предпринимать определенные усилия для того, чтобы объяснить, как Смит-моралист связан со Смитом-экономистом.

Если же говорить о технических различиях между «моделью титула» и «моделью обладания», то в контексте более фундаментальных непониманий они не имеют большого значения. Социалисты с радостью объявили бы, что на самом деле и «модель титула» не является чем-то желательным, а главное — олимпийский принцип «не победа, а участие», поэтому экономика тоже должна строиться на принципе всеобщего

участия. Думаю, позитивная цель сегодняшнего разговора состоит в том, чтобы попытаться решить те головоломки, которые характерны для нашего понимания конкуренции, показать разные точки зрения в интерпретации данной проблемы.

Авдашева С.

Постараюсь быть краткой, хотя это не легко при обсуждении вопросов, посвященных конкуренции. С моей точки зрения, в ходе дискуссии в первую очередь следует четко определиться с рядом предпосылок. *Во-первых*, нужно понять, рассматривается ли конкуренция как процесс, происходящий в реальной действительности, или как объект либо метод экономической модели. Очевидно, в рамках модели конкуренция не должна сохранять все черты, которыми она обладает в реальной жизни.

Во-вторых, необходимо понимать, какую конкуренцию мы рассматриваем. Не вижу особой пользы от того, чтобы рассматривать общие черты рыночной конкуренции, внутри и межвидовой конкуренции, спортивной конкуренции, конкуренции со стороны социальных связей и других ее разновидностей. Если мы начнем путать разновидности конкуренции, то можем прийти к выводам, подобным высказанным в сегодняшнем обсуждении, о том, что нет разницы между конкуренцией покупателей за гречку в условиях свободных цен и за дружбу с директором магазина в условиях регулируемых цен.

Теперь о вопросе, нуждается ли конкуренция в оправдании. В действительности МакКалум ставил вопрос более конкретно — в оправдании по сравнению с чем? Он же предложил две альтернативы для сравнительного анализа — монополия и регулирование. С точки зрения экономиста, такой подход вполне оправдан. Существует целый ряд моделей, показывающих преимущества результатов конкуренции над результатами деятельности рынка, контролируемого монополистом, или регулируемого рынка (т. е. рынка, на котором государство

устанавливает цены или правила их расчета). Обычно преимущества конкуренции сводят к выигрышам в терминах аллокативной, производственной и распределительной эффективности (добавляя или не добавляя к ним выигрыши динамической эффективности). Преимущества конкуренции в этом случае определяются на основе критерия Калдора–Хикса: если при конкуренции суммарные выигрыши выше, чем в условиях монополии или регулирования, это и есть оправдание конкуренции. Можно утверждать, что критерий Калдора–Хикса — плохой критерий, но тогда мы должны сопоставлять друг с другом сами критерии.

Мне всегда казалось, что в философии и политических науках существуют свои пути оправдания конкуренции. В философии вопрос о конкуренции фактически может рассматриваться как вопрос о свободе воли, который традиционно является в этой науке одним из центральных. Аналогично вопросы о конкуренции в политических и общественных науках должны быть близки вопросу о демократии, также имеющему длительную традицию обсуждения.

Второй вопрос, поднятый в дискуссии, был посвящен возможности и необходимости максимизации конкуренции. Ответ на этот вопрос, на мой взгляд, опять-таки связан с пониманием конкуренции. Если рассматривать конкуренцию так, как она фигурирует в экономических моделях, то сама постановка задачи ее «максимизации» выглядит странной. Даже в экономических моделях конкуренция неодинакова. О какой конкуренции идет речь — совершенной или несовершенной? О каком типе несовершенной конкуренции?

Если же говорить о задаче устранения препятствий для конкуренции как направлении государственной политики, то такая задача вполне может быть поставлена. И здесь можно возразить Новикову В., который утверждал, что относительно важности конкуренции в политических дискуссиях в нашей стране достигнут консенсус. Считаю, что можно говорить о достижении кон-

сенса по поводу того, что «заклинания», включающие слово «конкуренция», сегодня входят в моду. Однако если разобраться, о поддержке или защите какой именно конкуренции идет речь, то мы вновь столкнемся с путаницей терминов. Принятый в 2009 г. Закон «О торговле» тоже оправдывался целями поддержки конкуренции, однако, как представляется, он защищает много интересов, но только не интересы развития конкуренции. Теперь обратимся к практике принятия решений в системе государственной власти. Присутствующий на заседании круглого стола Сушкевич А. может подтвердить, что ФАС ежегодно возбуждает несколько тысяч дел против действий органов государственной власти, совершенно сознательно ограничивающих конкуренцию. Вот такой консенсус достигнут в стране относительно необходимости поддержки конкуренции.

Перейдем к третьему вопросу, заявленному на повестке дня, о том, какая концепция конкуренции ближе к реальности — «модель титула» или «модель обладания». Честно говоря, не понимаю, какое отношение это имеет к экономическим моделям, в которых конкуренция не рассматривается ни как основанная на принципе «вознаграждения лучшего» (довольно часто в результате конкуренции никто не вознаграждается), ни как базирующаяся на принципе «обладания». Более того, особенность экономических моделей состоит в том, что они рассматривают эффекты конкуренции не только и не столько для ее участников, но и для другой стороны рынка. Именно этот подход позволяет «оправдать» конкуренцию в том смысле, который имеется в виду в сегодняшней дискуссии.

Радаев В.

Уважаемые коллеги, я позиционирую себя как экономсоциолог, поэтому, возможно, не вижу каких-то очевидных вещей, и в свою очередь, вижу какие-то вещи, которые могут показаться странным.

Во-первых, не вижу (здесь я солидарен с Авдашевой С.) радикального различия ме-

жду «моделью титула» и «моделью обладания». Из этого можно сделать следующий вывод: в одном случае важна состязательность, в другом — захват чего-либо; кроме того, первое требует регулирования, а второе, наоборот, — дерегулирования. Эти вещи остались за пределами моего понимания, потому что большая часть случаев является чем-то иным, третьим, а именно — борьбой за обладание титулом, условно говоря, и тем, и другим.

Во-вторых, поскольку дискуссия в значительной степени сводилась к рассуждению о том, благо это или вред, позитивна конкуренция или негативна, может ли она быть самоцелью, хотел бы сказать следующее. Если понимать конкуренцию как состязательность (*rivalry* или *contest*), то она может быть самоцелью, когда агенты хотят посоревноваться. Такое случается. Но это узкий круг случаев, которым можно пренебречь в данном разговоре. Для меня главным вопросом является не то, благо это или нет, позитивно или негативно, а что такое конкуренция. Полагаю, что конкуренция не позитивна и не негативна, она в каком-то смысле нейтральна.

Возможно ли конкуренцию, равно как и другие формы рыночного взаимодействия, рассматривать в инструментальном ключе, т. е. как инструмент, средство достижения чего бы то ни было? Конечно, да. Если мы позиционируем ее таким образом, можно рассуждать о том, средством чего она является: повышения внутриорганизационной эффективности или селективного отбора участников рынка, т. е. улучшения агрегированной эффективности или разрушительных эффектов. Можно строить гипотезы, довольно интересные и полезные.

Приведу пример из экономсоциологии о социальных связях. Есть классическая работа Уцци Б. из Северо-Западного университета США (переведена на русский язык)⁵,

⁵ Уцци Б. Источники и последствия укорененности для экономической эффективности организаций: влияние сетей // Экономическая социология. №3. 2007. С. 44 – 60.

посвященная вопросу о том, как влияют социальные связи, в противоположность так называемым случайным разовым связям, на выживаемость фирмы. Уцци Б. установил, обосновал теоретически и подтвердил эмпирически, что эта связь параболическая, т. е. с возрастанием доли социальных связей в противовес случайным связям на рынке экономические показатели повышаются. Но так происходит до определенного момента. Когда эти связи начинают преобладать, возникают разные формы инертности и замкнутости, и показатели (в данном случае — выживаемость фирм) снижаются. Не знаю, есть ли подобные работы о конкуренции, но мое интуитивное предположение — наверняка, существуют, и, вполне возможно, что в них содержатся сходные выводы.

Однако в большей степени заботит не инструментальный характер конкуренции, а ее содержание. С этой точки зрения несколько смущают или не удовлетворяют разного рода работы, в которых эта форма взаимодействия противопоставляется другим формам. Например, есть работы, противопоставляющие конкуренцию правилам и рассматривающие правила как нечто внешнее по отношению к конкуренции. Разумеется, делаются оговорки, что конкуренции не может быть без правил, но все равно правила остаются некоторой внешней предпосылкой ее существования, но если изучить проблему более детально, оказывается, что борьба за установление правил есть внутренний элемент самой конкуренции. Другое дело, что такой вид конкуренции не всем доступен, и не все могут конкурировать путем установления надлежащих или выгодных для себя правил. Но правила вовсе не находятся вовне.

Еще больше смущает то, когда (это делают практически все) конкуренция как форма взаимодействия противопоставляется социальным связям и не только соглашения между участниками рынка, но даже их согласованные действия рассматрива-

ются как негатив, сговор, нечто разрушающее конкуренцию и наносящее вред общественному благу. Подобные рассуждения мне, как человеку, который занимается эмпирическими наблюдениями за розничной торговлей, не очень понятны. Потому что, *во-первых*, те, кого мы считаем конкурентами, и те, кто считает себя прямыми конкурентами, наблюдают друг за другом, более того, обмениваются между собой информацией. И это является неотъемлемой частью их конкуренции и нормального существования всякого рынка, а также стабильного существования самой конкуренции, понимаемой опять-таки как *contest* или *rivalry*, и т. д. Но в любом случае вопрос о том, «что это?», должен предшествовать вопросу «зачем это?» и тем более вопросу «кто виноват?».

Кагарлицкий Б.

Постановка вопроса о моральном оправдании экономических институтов представляется беспредельно абсурдной, потому что любые моральные оценки абсолютно субъективны, а институты существуют независимо от того, нравятся они нам или нет. Более того, до тех пор, пока институты существуют, они оправданы, поскольку, с одной стороны, выражают определенные интересы, с другой — некоторый баланс сил. Иными словами, сочетание баланса сил и доминирующих интересов определяет тот характер институтов, которые мы имеем в настоящее время. В этом смысле выглядит смешно, когда социалистические программы пытаются обосновывать с точки зрения справедливости. Это полный абсурд. Маркс и Энгельс очень четко написали, что невозможно, немисливо выводить социалистический проект из «идеи справедливости». Ничего подобного в социализме (по крайней мере, в марксистском понимании) нет. До тех пор, пока существуют капитализм, буржуазные производственные отношения или та же конкуренция, эксплуатация наёмного труда, если рассуждать в марксист-

ских категориях, — все это в рамках сложившейся системы справедливо. Понятия о справедливости в любом обществе соответствуют доминирующим представлениям, которые в рамках данной системы необходимы, потому что если все будут считать, что это несправедливо и неправильно, система не будет работать. То, что работает, то и справедливо. В этом вся суть.

Если же в обществе начинает формироваться представление о том, что отношения, на основе которых система работает, несправедливы, то это показатель, с одной стороны, кризиса данной системы, проблем в ее повседневном функционировании, а с другой — кризиса доминирующей идеологии. Одно с другим тесно связано. Конечно, кризисы доминирующей идеологии могут преодолеваются с возвращением в исходную точку, а могут привести к революциям, созданию новых систем или к реформам, «переналадке» системы за счет новых институциональных решений, позволяющих ей работать по-другому. Это первый, на мой взгляд, достаточно принципиальный момент.

Возникает вопрос: чем вызвано проведение подобного круглого стола, тем более в стенах Высшей школы экономики с повесткой дня о том, насколько морально оправдана конкуренция? Сам факт, что проводится данное мероприятие, является довольно занятным симптомом некоторого нездоровья и проблем, с которыми сталкивается система как на объективном, так и на идеологическом уровнях.

Что же касается дискурса о конкуренции, думаю, перед нами один из типичных идеологических мифов. Не в том смысле, что конкуренции в жизни нет — она, конечно, есть. Не будем вдаваться в психологические и биологические предпосылки. Но если говорить не об объективной реальности, а о том, с чем имеем дело в общественных науках, то в них мы сталкиваемся с достаточно мифологизированной концепцией, восходящей к XVIII в. и представляющей

собой идеализированное описание экономики, существовавшей в ту эпоху. Однако и тогда она не была такой, как представлена в данном описании. Дальше начинаются уже платоновские «отражения отражений», т. е. мы имеем некое идеализированное описание давно ушедшей в прошлое ситуации, которая предлагается в качестве некой абсолютной или абстрактной нормы. Следовательно, все то, что не соответствует этой норме, принимается либо как аномалия, либо как отклонение или результат вмешательства каких-то вредных, опасных, злых сил, либо как борьба за установление правил и т. д. Получается, что есть кто-то, кто устанавливает правила, и он всегда устанавливает их в своих целях и интересах. Это осуждается, ибо искажает логику идеальной конкуренции. А разве может быть иначе?

С одной стороны, все признают, что правила нужны, а с другой — постоянно жалуются на субъективность регулятора. Снова перед нами абсолютно мифологическое представление о том, что где-то может существовать некий абстрактный, независимый, полностью объективный и совершенно незаинтересованный регулятор. Это таковой же миф, как и об идеальной конкуренции. Подобного объективного регулятора никогда не было и не будет.

В то же время даже самыми яркими либералами признается, что конкуренция требует определенных мер регулирования. Например, нельзя взрывать магазины конкурентов или сжигать приказчика вместе с магазином. Данная моральная проблема дискутировалась в Великом Новгороде. Определялось, что магазины сжигать можно, а приказчиков — нельзя. И если сожжен магазин конкурентов вместе с приказчиком, то это уже беспредел.

То есть другой тип регулирования: какие правила установим, такими они и будут. Это вопрос общественного договора, и мораль тут ни при чем. Даже сжигание приказчика может быть частью правил, если

в обществе так повелось. Если приказчики знают, что их могут сжечь, они станут добиваться более высокой зарплаты, компенсации за риск, который связан с тем, что иногда их сжигают вместе с магазинами. И это будет справедливо в рамках капитализма. Правила всем ясны, торговля идет хорошо. Так же, как для античной Греции было справедливо, что Аристотель и Платон пользовались трудом рабов.

Вернемся к современному обществу. Хотелось бы обратить внимание на работу известного, но почему-то игнорируемого в России экономиста, Хора М. (Martin Khor). Долгое время он был одним из консультантов правительства Малайзии. Хор М. опубликовал любопытную работу о так называемой олигополистической конкуренции, где на примере определенных математических моделей показал, что конкуренция сегодня качественно отличается от того, что имело место, например, при Смите А. Модель идеальной конкуренции, если она хоть в чем-то близка к жизни, предполагает наличие нескольких сот независимых друг от друга производителей, продавцов товара, работающих на один и тот же рынок, предположительно с одним и тем же совокупным потребителем. На рынке с большим числом участников ни один из конкурентов не может иметь полной и достаточной информации о деятельности других конкурентов. Более того, у него не будет достаточной информации о деятельности других конкурентов, даже при современных технологиях, не говоря уже о временах, когда не существовало Интернета. Сбор и обработка информации парализуют процесс принятия решения. Следовательно, единственной информацией, которая поступает мгновенно, являются соотношение спроса и предложения и соответственно — цена. В таком случае «невидимая рука» рынка действительно выступает таким объективным регулятором, не зависящим от воли людей, который выражает реальное соотношение сил на этом рынке, т. е. работает институционально.

В описанных Хором М. моделях олигополистической конкуренции, напротив, всем участникам рынка более или менее известно, что делают другие участники. Как только появляются не несколько сот, а несколько десятков независимых поставщиков, все правила реального поведения игроков, нормы и логика их соперничества, радикально меняются. Информация поступает в режиме реального времени, и ее вполне достаточно для принятия осмысленных решений. Как показал Хор М., в такой ситуации не нужны картельные сговоры, потому что по факту стихийная согласованность действий является нормой поведения участников рынка, даже без прямого соглашения между ними. Здесь соперничество все равно существует, но не в форме свободной конкуренции, по Смиту А., а в форме именно борьбы за влияние и контроль. Возьмем, к примеру, борьбу двух или трех агентов за доминирование на рынке. Это уже не совсем конкуренция, а борьба за доминирование. Вернее, конкуренция, если слово «конкуренция» используется как синоним слова «*rivalry*» (соперничество, борьба) или «соревнование», но не в смысле экономического института, как он был описан в смитовской модели.

Получается, что, с одной стороны, мы сталкиваемся с некоторой абстрактной моделью, по которой оцениваем реальность, а с другой — есть реальность с ее объективным положением дел, которую мы не хотим понимать и анализировать.

Наконец, касательно цен как принципиального индикатора. В модели олигополистической конкуренции Хора М. для крупных корпораций цены перестают быть объективным показателем. Наоборот, они сами становятся объектом частного манипулирования. То есть крупные компании могут долгосрочно проводить некую ценовую политику, формируя рынок, массивно вбрасывая товар по определенной цене, которую они поднимают и занижают в зависимости от своих целей, например, в некоторых си-

туациях могут идти на понижение нормы прибыли. Своей ценовой политикой крупные компании проводят ценовое регулирование.

На мой взгляд, это миф, будто есть только регулирование, производимое государственными структурами, а частный сектор конкурирует, действуя на тех условиях, которые создали ему регуляторы. Крупный корпоративный капитал сам является важнейшим субъектом регулирования. Он формирует и рынок, и регулирование, в значительной мере контролирует регуляторов — прямо или чаще косвенно. Бывает конкурентное регулирование, когда две-три группировки одновременно воздействуют на рынок, пытаясь урегулировать ценовую ситуацию под свои задачи, они могут бороться между собой, но потом находят некий компромисс.

В этом контексте история с мобильной телефонией в России очень показательна. Сначала была ситуация монополистического рынка, когда даже при наличии нескольких производителей, имели место сверхвысокие цены. Затем рынок относительно насытился, и началась «война» тарифов с очень острым соперничеством. Но оно продолжалось недолго. Наступил новый этап, когда тарифы стали более или менее стандартизированными и стабилизировались на определенном уровне, причем далеко не самом низком для компаний. С точки зрения интересов потребителей цены еще можно было снижать. Достаточно сравнить тарифы мобильной связи в Москве и Хельсинки, чтобы понять, насколько они завышены в России. Но на определенном этапе, после «войны тарифов», произошла стабилизация цен, потому что на этом рынке ограниченное количество игроков. Бесконечно он расти не может по технологическим причинам. В результате за счет стихийного саморегулирования мы получили тот же эффект, который возник бы при вмешательстве внешнего регулятора. Произошло коллективное регулирование процесса со стороны уча-

стников рынка, отстаивающих не интересы потребителя, а свои собственные.

Поэтому думаю, что морально оправдывать что бы то ни было в мире экономики не нужно. Однако экономистам, социологам и идеологам следовало бы спросить себя, насколько отстаиваемые ими теории соответствуют реальности.

Новиков В.

Спасибо, Борис Юльевич. Хотелось бы сделать уточнение. Правильно ли я понял Вашу позицию, что моральное оправдание, если и требуется, то для системы в целом, но не для отдельных ее элементов?

Кагарлицкий Б.

Не считаю, что системе требуется моральное оправдание. Мораль — это субъективная вещь. Моральное оправдание требуется мне лично в той мере, в какой я соответствую собственным ценностям, т. е. для индивидуального поведения моральное оправдание необходимо. Классическая фраза Шварца: «Мы все учились в школе зла, но кто тебя заставлял быть первым учеником?». Для «школы зла» морального оправдания или морального осуждения не может быть. А будешь ты первым учеником или нет — это твоя личная моральная проблема, т. е. на личном уровне моральные проблемы существуют. И моральное оправдание, и моральное осуждение применимо к действующей личности, но совершенно не применимо и невозможно по отношению к институтам.

Тотьев К.

Хотелось бы коснуться первого вопроса, стоящего на повестке дня, — об обосновании конкуренции, сосредоточившись на двух его аспектах: 1) определении конкуренции в морально-правовых терминах; 2) связи обоснования конкуренции с законодательством и судебной практикой (какую модель легитимирует Закон «О защите конкуренции»?).

Первый аспект связан с известным тезисом Хохфельда У., высказанным им в статье, опубликованной в 1913 г.⁶. Этот тезис сводится к следующему: существуют ситуации, описываемые фундаментальным правовым понятием «отсутствие права», которое корреспондирует с другой правовой категорией «привилегия» или «свобода». Если какое-либо лицо обладает такой привилегией, то оно не обязано действовать или не действовать определенным образом, а третьи лица не имеют права препятствовать обладателю данной привилегии. Считается, что именно «отсутствие права» характеризует конкуренцию, поскольку у каждого из ее участников есть привилегия действовать или не действовать, но ни один из конкурентов не может легитимно воспрепятствовать этой деятельности, т. е. не обладает по отношению к конкуренту правопритязанием на бездействие (если использовать юридическую терминологию). При этом предполагается, что конкуренция легитимна, т. е. не нарушает нормативные или договорные запреты.

Следует отметить, что определение конкуренции в терминах прав и обязанностей характерно и для континентальной правовой традиции. Так, классик немецкого конкурентного права профессор Плассмманн Н. в своей статье, опубликованной в 1968 г.⁷, т. е. на заре формирования современного конкурентного права Германии и Европы, определяет конкуренцию как фактическую деятельность вне принадлежащих индивиду прав и обязанностей. Аналогичная позиция наблюдается и в современной правовой доктрине Франции, где юридическая дефиниция конкуренции включает следующее: 1) состязание между субъектами рыночного взаимодействия основывается на свободе

их действий (принцип свободного осуществления конкуренции); 2) принципиально допустима борьба за чужую клиентуру и причинение в связи с этим ущерба своим конкурентам (принцип законного причинения конкурентного ущерба).

Как видим, здесь по существу констатируется отсутствие обязанности предпринимателей воздерживаться не только от самой деятельности, но и от отрицательного результата, который она может повлечь для другого лица. В терминологии профессора МакКаллума речь идет об отсутствии права требовать несовершения определенной деятельности и обязанности воздерживаться от нее со стороны конкурентов, т. е. о наличии свободы действия и об отсутствии обязанности бездействовать.

Такой подход к определению конкуренции в морально-правовых терминах в рамках континентальной правовой доктрины и судебной практики (а современная система защиты добросовестной конкуренции была сформирована в Европе именно судами) можно объяснить двумя причинами: 1) необходимостью и желанием легитимировать конкуренцию как правомерную деятельность; 2) необходимостью разграничить в рамках деликтного права два вида ущерба, подлежащего и не подлежащего возмещению. Ущерб, причиненный в ходе законной конкуренции любому из конкурентов (по терминологии МакКаллума — «взаимная незащищенность»), возмещению не подлежит.

Поэтому возникает вопрос: как на этом фоне выглядит позиция законодателя и современной судебной практики? Следует отметить, что ни в Европе, ни в России морально-правовой подход к конкуренции с точки зрения распределения прав и обязанностей не нашел отражения в легальных определениях конкуренции. В большинстве случаев такие легальные определения отсутствуют. Едва ли не единственное исключение составляет российский Закон «О защите конкуренции», где в п. 7 ст. 4 приводится

⁶ *Hohfeld W. Some Fundamental Legal Conceptions as Applied in Legal Reasoning // Yale Law Review. Vol. 23. № 1. 1913. P. 16–59.*

⁷ *Plassmann N. Rechtsbegriffe im Wettbewerbsrecht // JuristenZeitung. 1968.*

легальное определение конкуренции, которое имеет в большей степени экономический и социологический, чем правовой характер.

Чем можно объяснить отсутствие в конкурентном законодательстве легальных определений конкуренции? Следовало бы назвать две причины этого обстоятельства. *Во-первых*, экономические определения отсутствуют из-за стремления законодателя сохранить нейтральность конкурентного права по отношению к государственной экономической политике и ее отражению в той или иной модели конкуренции. *Во-вторых*, морально-правовой подход не находит отражения в легальных определениях вследствие того, что законодательство о конкуренции ориентировано на так называемые негативные формулировки составов нарушений (в них прежде всего решается задача не распределения прав и обязанностей, а установления меры того, что нарушается отрицанием права, т. е. неправомерными деяниями). Поэтому логика такого подхода требует от законодателя уделить внимание признакам составов нарушения, а не позитивному описанию конкуренции.

Однако о свободе конкуренции речь идет на уровне конституционного правосудия, когда требуется установить соответствие закона Конституции. В частности, именно так и поступает Конституционный Суд РФ. На сегодняшний день в России принято более 90 решений Конституционного Суда РФ, относящихся к антимонопольному законодательству, и в большинстве из них речь идет о принципе свободы конкуренции со ссылкой на ч. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 34 Конституции РФ. Свою задачу в этих случаях Конституционный Суд РФ видит в определении соотношения между принципами свободы конкуренции и другими конституционными принципами (в частности, принципами справедливости и пропорциональности государственного принуждения). Таким образом, принцип свободы

конкуренции и существующее на его основе распределение прав и обязанностей не является, с точки зрения Конституционного Суда РФ, окончательным, а рассматривается им, как правило, *prima facie* (от лат. «на первый взгляд»).

Несколько слов следует сказать о связи обоснования конкуренции с законодательством и судебной практикой.

В своей статье профессор МакКаллум исходит из двух идеальных типов конкуренции: 1) конкуренции как борьбы за титул; 2) конкуренции как борьбы за обладание. Российский закон применительно к недобросовестной конкуренции (к тому, как она определена в п. 9 ст. 4 Закона «О защите конкуренции») легитимировал вторую модель, предложенную МакКаллумом. Такая модель предполагает два важных с правовой точки зрения элемента: 1) цель деятельности конкурентов — получение товаров с помощью заключения сделок; 2) цель применения правил о конкуренции — защита общества и самих участников конкуренции (а не выяснение их свойств и характеристик). Цель защиты определяется здесь субъектным составом защищаемых лиц (в ряде случаев, как это сделал немецкий законодатель в параграфе 1 Закона ФРГ против недобросовестной конкуренции от 2004 г., данный состав максимально расширяется за счет включения общества и любых участников рынка) и кругом защищаемых с помощью конкурентного законодательства интересов. Как показывает европейский опыт, описанная модель с правовой точки зрения работает.

Таким образом, отвечая на первый вопрос нашей дискуссии, отмечу, что с точки зрения континентальной системы права конкуренция нуждается в обосновании (легитимации), и такое обоснование осуществляется, главным образом, на уровне Конституционного Суда со ссылкой не на результат конкуренции (не на ее полезность), а на субъективные публичные права (прежде всего свободу экономической деятельно-

сти и конкуренции). Другое дело, насколько глубоким является такое обоснование. В связи с этим возникает вопрос: следует ли считать такую свободу позитивной или негативной? При ответе на данный вопрос необходимо адресоваться к известной статье профессора МакКаллума «Негативная и позитивная свобода»⁸. Но это тема для другого разговора.

Ульянов А.

Добрый день, уважаемые коллеги. Я выступлю как сторонник защиты конкуренции. Как правильно отметила Авдашева С., если сравнивать конкуренцию, то с чем это сравнение можно проводить? Либо с госрегулированием, либо с монополией (не вдаваясь в какие-то смешанные формы, например, регулируемой государством частной монополии). Думаю, вряд ли среди присутствующих найдется хоть один сторонник государственного регулирования, несмотря на то, что в начале дискуссии говорилось о том, что конкуренция между потребителями в Советском Союзе приводила к негативным проявлениям, таким как получение товара «из-под полы» и т. д. Но подавались ценовые сигналы, что, как и для кого производить. Другое дело, что система не могла на них адекватно реагировать. Что касается монополии, то здесь затрагивается такой аспект, как структура рынка. Число участников отрасли будет формироваться, исходя из соотношения спроса и кривой долгосрочных издержек. Свободная конкуренция приведет к оптимальному числу ее участников.

В этой связи хотелось бы, с одной стороны, выразить благодарность Новикову В. за то, что он начинает в нашей стране чрезвычайно важную, с моей точки зрения, дискуссию о ценностях, видах и форме конкуренции. С другой стороны, нельзя согласиться с тем тезисом, что теперь конку-

ренция в России стала ценностью, разделяемой всеми. Она действительно разделяется определенной частью экономического блока Правительства РФ и элиты. Об этом свидетельствует не только число нарушений антимонопольного законодательства органами власти, но также и то, какой путь выбрало Правительство РФ, когда часть его представителей осознала важность конкуренции — была усилена роль ФАС. Между тем, если обратимся к западной практике, то увидим, что там Министерство промышленности и Министерство сельского хозяйства формируют, развивают конкуренцию. А антимонопольный орган может быть более компактным и обладает более узкими полномочиями.

Другая распространенная ошибка: очень часто в дискуссии понимание конкуренции в России искажается, как правило, имеет вид, что конкуренция — это такие условия, в результате которых победитель получает все. Действительно, в сознании людей весьма устойчива аналогия с неким спортивным состязанием, когда победитель получает все. Говоря экономическим языком, конкуренция понимается как однопериодная игра с нулевой суммой. Но реальная жизнь намного сложнее. Часто победитель не получает всего, и отнюдь необязательно его конкуренты должны либо разориться, либо быть поглощенными победителем. Нередко победитель, удерживая свои позиции в течение 10 лет, вынужден уступить на рынке. Например, компания «Тойота» захватив первенство в мировой автомобильной индустрии в 2009 г., вряд ли сможет его удержать в течение 10 лет — срок по меркам экономической истории ничтожный. Еще 7–8 лет назад казалось, что лидерство «Майкрософт» непоколебимо, но теперь компания Apple, внедрив целый ряд удачных продуктов, возродилась из пепла. В мировой экономической истории имеется масса подобных примеров.

Другими словами, конкуренция — это не способ раз и навсегда установить победи-

⁸ MacCallum G. Negative and Positive Freedom // The Philosophical Review. Vol. 76. Iss. 3. 1967. P. 312–334.

теля в игре с нулевой суммой. Конкуренция позволяет существовать значительному числу фирм, удовлетворяющих разнообразным запросам потребителей. Причем положение фирм может меняться как в силу применения ими тех или иных конкурентных стратегий поведения, так и изменения запросов потребителей. То есть конкуренция — следствие ограниченности человеческой природы и (или) желания добиться славы, успеха и признания; разнообразия человеческой природы, вкусов различных людей. К сожалению, именно этому аспекту в России уделялось недостаточно внимания. Ошибки государственной политики зачастую проистекали из ложного понимания конкуренции как однопериодной игры с нулевой суммой. Отсюда, например, бездействие антимонопольных органов и других регуляторов при закреплении монопольной структуры большинства отечественных товарных рынков.

Наконец, хотелось бы обозначить предпосылки для последующих дискуссий о конкуренции и ее формах в условиях переходной экономики. Хотя ряд исследователей призывают отказаться от самого термина переходной экономики (в моду вошло понятие страны с развивающимися рынками (*emerging markets*)), считаю, что делать это пока рано. Переходная экономика определяется тремя важнейшими аспектами: 1) кратким горизонтом планирования; 2) высоким уровнем коррупции и низким уровнем морали; 3) правовым нигилизмом.

Что касается краткого горизонта планирования, то этот аспект способен весьма серьезно изменить стандартные экономические представления и модели. Например, применительно к анализу конкуренции хищническое ценообразование вообще не применимо в переходной экономике с коротким горизонтом планирования. Суть хищнического ценообразования в поддержании низкой цены себе в убыток на первом этапе, с повышением цен на втором этапе после вытеснения конкурентов. Но наступ-

ление второго этапа растягивается за пределы горизонта планирования большинства экономических агентов. Действительно, в России известно мало фактов снижения цен, а антимонопольные органы практически не сталкиваются с жалобами на демпинг.

Проблема высокого уровня коррупции также способна изменить стандартные представления. Например, хрестоматийным стало утверждение о повышении роли антимонопольной политики в переходной экономике при формировании рынков и рыночных структур. Давайте разберемся, к чему приводит проблема коррупции. Возьмем простой пример. Если коррупции подвержено отраслевое министерство, то эффективность государственного регулирования снижается, а если какой-нибудь контрольный орган (в широком смысле слова, например, полиция и суд) — его эффективность становится нулевой, поскольку решения принимаются не в зависимости от соблюдения или несоблюдения установленных норм и правил, а исходя из совершенно иных соображений. Если коррупции подвержен антимонопольный орган, то он работает с отрицательной эффективностью, т. е. совокупные общественные издержки на содержание антимонопольного органа в условиях переходной экономики с высоким уровнем коррупции всегда будут превышать совокупные общественные выгоды. Это происходит потому, что объем лоббистских усилий, предпринимаемых монополистами, вследствие получения монопольной ренты всегда больше, чем у новичков, претендентов на вход или компаний второго эшелона. Получается, что антимонопольный орган будет защищать монополистов, т. е. действовать прямо противоположным образом, предписанным его задачам. К сожалению, это наблюдается в России: запреты крупным компаниям на слияния можно сосчитать по пальцам, практически нет дел, возбужденных в отношении «национальных чемпионов», зато активность возросшего аппарата ФАС

все больше смещается в сторону среднего бизнеса.

Сушкевич А.

После выступления Тотьева К. мне остается только в значительно более прикладных терминах рассказать, чем занимается антимонопольная служба и главное — как она понимает свое назначение.

Для начала, чтобы ответить на вопросы, поставленные модератором, прокомментирую предложенную им схему, чтобы было понятно, как антимонопольная служба осознает публичный интерес и что такое политика по защите конкуренции. Все, что происходит в России, на мой взгляд, очень близко к доктринальным представлениям о защите конкуренции, сформировавшимся в континентальном праве.

Конкуренцию антимонопольный орган понимает как особое состояние товарного рынка. Поэтому считаю, что когда говорят о ценности соперничества в любой его форме, в частности, о войне как о крайней форме соперничества, это не так. Российское, я бы сказал, очень «умное» (как минимум в части дефиниций) законодательство по защите конкуренции написано людьми-провидцами. Первым разработчиком закона хорошо удалось понять тот публичный интерес, который защищается в конкурентном праве и называется конкуренцией.

Схему, представленную Новиковым В., я бы интерпретировал так:

- *первое допущение*: есть товарный рынок, на котором действуют продавцы X и Y ;
- *второе допущение*: каждый из них совершает определенные действия (A_x и A_y) и стремится к своему результату (G_x и G_y).

Согласно российскому законодательству на рынке обязательно существуют так называемые общие условия обращения товара. На каждом конкретном рынке есть некие общие условия обращения, часто обусловленные спецификой самого товара, которые являются объективной данностью для X и Y .

Общие условия (*conditions*) обращения обозначим как C_1, C_2, \dots, C_n . Данный набор общих условий обращения товара существует независимо от действий каждого в отдельности участника этого рынка. Исторически сложилось, что товар меняет своего хозяина на рынке с соблюдением определенных общих условий. Общие условия обращения товара — это цена, стандартная партия товара, которая есть на рынке, стандартные условия отгрузки, поставки, послепродажного обслуживания, стандартный срок гарантийного обслуживания и др., т. е. то, что объективно всегда есть на рынке.

• *Третье допущение*: в российском праве конкуренция понимается очень просто — хозяйствующие субъекты, совершая действия A_x, A_y , препятствуют себе подобным решающим образом влиять на этом рынке на C_1, C_2 , общие условия обращения товара.

Если на рынке хозяйствующие субъекты своими действиями по достижению целей препятствуют друг другу, тому, что у кого-то из них появилась возможность решающим образом влиять на общие условия обращения товара, то это состояние рынка называется конкурентным. Строго говоря, при таком понимании состояния конкуренции на товарном рынке X может получить G_x , а Y получит G_y . Легальное понимание конкуренции не исключает того, что каждый участник рынка достигнет поставленной цели, поскольку цели законной деятельности множества участников рынка не являются взаимоисключающими. В целом государство поступает мудро, когда не интересуется, кто и что на этом рынке получает, за что конкурирует. Такое понимание конкуренции формируется в значительной мере не из экономических представлений о конкуренции, а из стремления государства пресечь злоупотребления правом.

Допустим, у субъекта X на товарном рынке появляется возможность решающим образом воздействовать на какое-либо общее

условие обращения товара С1. Данная рыночная ситуация тоже хорошо квалифицирована в законодательстве: «такой хозяйствующий субъект приобретает доминирующее положение, у него появляется потенциальная возможность формировать условия, которые становятся общими для каждого». Это не правонарушение.

Доминирующее положение может возникнуть из-за объективного стечения обстоятельств и даже независимо от действий Ах, в силу того, что сочетание Ау и действий иных участников рынка привели к тому, что Х получил возможность формировать одно или более общих для данного рынка условий обращения товара. Такого рода ситуации предполагаются законодателем и правоприменителем. Как же дальше развивается доктринальная, правовая идея по защите конкуренции? Если кто-либо на рынке получил возможность влиять решающим образом на общие условия обращения товара, он должен придерживаться установленных запретов, которые продиктованы необходимостью защитить чужое право и предотвратить злоупотребление правом теми, кто получил потенциальную возможность влиять на общие условия обращения товара. В этом, если говорить очень коротко, заключается публичное представление о том, что такое конкуренция и какие цели, интересы преследуются, когда речь идет о ее защите. Конечно, такое понимание бесконечно далеко от описания отношений соперничества и особенно его крайних форм. Считаю, что государство поступает мудро, не вдаваясь в частные отношения, не интересуясь ни целями деятельности участников рынка, ни общими условиями обращения, которые спонтанно формируются на конкретном рынке и уникальны по своему набору.

Хотелось бы внести некоторую терминологическую ясность. Не стоит отождествлять ограничение конкуренции в сформулированном выше понимании и недобросовестную конкуренцию. В России определение

недобросовестной конкуренции инкорпорировано в Закон «О защите конкуренции», но оно совсем о другом. Законодательство о недобросовестной конкуренции — законодательство о запрещенных формах индивидуального соперничества, не влияющего на состояние рынка в целом, это запреты такого рода, как «вывески не ломать», «офисы не сжигать», «конкурента в СМИ не порочить» и т. п.

В приведенном выше понимании конкуренции, на мой взгляд, очень много права (или правды, если хотите) и мало экономики. На самом деле в антимонопольном законодательстве и публичной защите конкуренции чистой экономики совсем немного. Представляется, что ее значение преувеличивается в силу того, что не все юридические вопросы до конца ясны и доктринально проработаны. Часто неоднозначность юридических формулировок в конкурентном праве принимают за некоторую экономическую неопределенность отношений участников рынка.

Что касается оправдания конкуренции, то считаю, что в том ее понимании, которое я постарался донести до присутствующих, это достойный объект государственной защиты, абсолютно необходимое состояние товарного рынка. Конкуренция — такое состояние, когда каждый желающий при определенных нормальных усилиях имеет возможность войти на рынок и торговать на нем. Публичная защита конкуренции — это еще и способ препятствовать возникновению частной экономической власти. Здесь есть сильный идеологический мотив, который в послевоенное время был очень хорошо разработан в германской экономической мысли — мотив поощрения конкуренции именно как способа противодействия возникновению частной экономической власти. Сегодня для нас это абсолютно актуальная задача. И если бы в России не осуществлялось противодействие возникновению частной экономической власти даже силами ФАС, во многих отраслях

и рынках было бы хуже, чем сейчас. Говорю прямо и поэтому не ставлю под сомнение оправдание конкуренции в качестве ценностей.

Можно ли максимизировать конкуренцию? Да, можно. Все большее количество товарных рынков близко к нашему представлению о таком желаемом состоянии конкуренции. Хотя о каких-то измерениях говорить можно с очень большой натяжкой.

Чем интересно понимание конкуренции у МакКаллума? Достаточно деликатно он говорит о том, что формулирует некие идеальные типы в кантовском, позитивистском понимании, что соответствует действительности. Мне кажется, он не выходит за рамки бытового представления о рынке и его устройстве. Как настоящий философ, источник всех знаний и понятий МакКаллум находит в себе. Строго говоря, он и рассуждает в терминах бытового представления о предмете; но если бы МакКаллум поинтересовался тем, что делают антимонопольные органы во всем мире, почерпнул бы много интересного для себя. Он и начинает свою статью с разочарования, которое не могу не разделить: в моральной философии мало внимания уделялось теме конкуренции.

Что касается работы Демсеца Г., то это уже некоторое отступление от мэйнстрима и, на мой взгляд, заниженная оценка вклада антимонопольной политики в экономическое благосостояние Америки. Демсец Г. достаточно скептически относится к столетним достижениям антитраста. Не нахожу этому скепсису глубокого обоснования. Действительно, правовая мысль американского законодателя, судов, Минюста и Федеральной торговой комиссии США есть живое «творчество», отнюдь не всегда основанное на бесспорном и надежном теоретическом базисе. Как реагировать на совершенно очевидные вызовы в экономике? Что делать, когда 80% отрасли оказывается занято одной компанией; когда индиви-

дуальная стратегия монополизации вытесняет из торговли десятки мелких компаний? Эти задачи будут решены не сразу и небезошибочно.

В заметках о Стиглере я читал, что в конце жизни он резко повысил свою оценку значимости антитраста в Америке, утверждая, что антитраст — это такая же нормальная политика, как и любая иная политика, проводимая государством в отношении частного бизнеса, имеющая те же права на существование, как, например, тарифное регулирование. То есть Стиглер признал нормальность антитраста как компонента публичной политики, ориентированной на экономику.

Горбатенко Д.

За рамками дискуссии осталась очень важная проблема, которую высказал Кузнецов Ю. Потом она поднималась только в качестве риторического вопроса «что такое конкуренция?». Выпало понимание того, что на самом деле конкуренции в реальном мире не существует, это некий аналитический конструкт, который наблюдатель внешнего мира накладывает на действительность.

Что имеют в виду, в частности, австрийские экономисты, например, Кирцнер И., когда говорят о бессмысленности понятия конкуренции? Очевидно, речь идет о том, что нужно смотреть на то, чего хотят конкретные люди.

Что хочет конкретный предприниматель? Добиться конкретной цели, продать свой товар покупателям, получить определенную прибыль. Он даже не думает о том, что действует на конкретном рынке, просто хочет максимально дорого продать некий товар. Он может и не думать о том, что с кем-то конкурирует. И это конкурирование возникает только тогда, когда внешний наблюдатель данной реальности конструирует ее и видит еще несколько таких же предложений (причем таких же с точки зрения этого наблюдателя, а у другого наблюдателя они могут быть иными). Так у наблю-

дателя возникает идея, что между этими предпринимателями имеет место конкуренция. Но в реальности, а реальность в экономике чисто субъективная, никакой конкуренции нет. Поэтому, *во-первых*, я полностью согласен с Кузнецовым Ю. и Сазоновым С., что слово «конкуренция» нужно исключить из инструментария экономического анализа.

Во-вторых, не могу не высказаться по поводу критерия Калдора–Хикса. Ранее было сказано, что это абсолютно научный критерий, не имеющий к этике никакого отношения. На самом деле это не научный, а чисто этический критерий, потому что утилитаризм — тоже этика. Как любой другой утилитаристский критерий, он фундаментально и глубоко ущербный, поскольку индивидуальную полезность невозможно измерить. Поэтому никакой адекватный расчет эффективности по Калдору–Хиксу в реальной жизни невозможен. Расчет возможен только в том случае, если установить очень серьезные допущения, например, что вся полезность сводится к готовности платить и т. д., которые принять нельзя, если субъективистски подходить к экономике, т. е. учитывать самого субъекта. И проблема не только в том, что посчитать эффективность нельзя, но и в том, что это этический критерий, т. е. постулируется, что некая максимизация условного денежного продукта, определенной денежной оценки является благом. А почему? Тоже хороший вопрос.

В-третьих, хотелось бы изложить гипотезу, почему возникла идея конкуренции и ее принял не только условно социалистический дискурс, как его обозначил Мартынов К., а также дискурс, который направлен на регулирование, т. е. на целенаправленное вмешательство государства или некоего коллективного публичного образования в ткань социальной жизни. Данная гипотеза возникла по следующим причинам. До рубежа XIX–XX вв. и либералы, и социалисты слово «конкуренция» практически не использова-

ли. Считалось, и так до сих пор думают австрийцы (и я с ними согласен), что так называемый антипод конкуренции — частная монополия в том виде, как она понимается в мейнстримовой экономике, невозможно. Монополия — это только государственная привилегия, например, на продажу вина на определенной территории. Частная монополия — совершенно бессмысленный конструкт.

Соответственно разговора о конкуренции не было, а только о том, что есть такое понятие, как свобода. Причем делить ее на свободу конкуренции и свободу чего-то еще бессмысленно, потому что свобода любой деятельности в конечном счете есть свобода конкуренции, поскольку деятельность человека в обществе приводит к тем последствиям, которые показал на схеме Новиков В. Неизбежно своими действиями мы усложняем для других людей достижение их целей, и практически любое наше внешне выраженное действие, т. е. действие, направленное вовне, является конкуренцией. Поэтому нет никаких причин выделять узкий аспект конкуренции в предпринимательской деятельности как нечто особенное, что отличается от всех других типов деятельности.

Сразу же отпадает вопрос, почему раньше не применялся критерий конкуренции. Использовался критерий экономической свободы, говорилось о том, что не следует внедряться в экономическую деятельность не потому, что здесь конкуренция происходит с точки зрения внешнего наблюдателя, а потому, что все положительные последствия, приписываемые конкуренции, на самом деле достигаются благодаря тому, что предприниматели свободны в достижении своих целей, а не из-за того, что они конкурируют между собой.

Порядок, основанный на свободе экономической деятельности, лучше порядка, базирующегося на произвольном вмешательстве некоего центрального агента, называемого государством, или еще кого-то.

Либералы ушли от обоснования невмешательства государства с точки зрения свободы и приняли дискурс, основанный на конкуренции, как раз потому, что в начале XX в. дискурс с апелляцией к свободе стал немодным. Долгое время, вплоть до 60-х годов XX в., для защитника либеральных ценностей было практически невозможно ни в одной серьезной публичной дискуссии отстаивать необходимость невмешательства государства в какую-либо экономическую деятельность с точки зрения экономической свободы как таковой. Это всегда существовало в определенной маргинальной группе австрийцев вроде Ротбарда, но чикагская школа начала использовать такой «каучуковый» идеал конкуренции как некий суррогат свободы, чтобы обосновывать необходимость минимизации государственного вмешательства.

Новиков В.

Спасибо. Хотелось бы прокомментировать услышанное и отчасти поделиться собственным мнением по поводу поставленных сегодня вопросов.

Прежде всего я согласен с тезисом Сушкевича А., в другой форме он прозвучал у Горбатенко Д., о том, что в понимании конкуренции много правды и мало экономики. Считаю, эту формулировку можно развить, если вспомнить, что в русской традиции слова «правда» и «справедливость» очень часто употреблялись как взаимозаменяемые. То есть в большей степени, когда мы спорим о конкуренции, спорим о чем-то другом. Один из аспектов этого спора — спор о справедливостях, в данном случае, если говорим об экономике, речь идет о справедливости, проявляемой в отношениях экономического обмена, и соответственно задачу «антитраста» можно описать как борьбу с эксплуатацией в экономическом обмене.

Также есть существенная связь между разговором о конкуренции и о свободе. Если мы определяем конкуренцию для того,

чтобы можно было говорить, что X и Y конкурируют друг с другом, то должны иметь возможность сказать, что X и Y по существу — разные люди, а не один и тот же человек. То есть речь идет о независимости двух агентов друг от друга. Это должны быть разные люди с разными интересами.

Представим себе ту же ситуацию, но только теперь нет «разных» X и Y . Тогда мы увидим известную экономическую проблему, согласно которой, выбирая одно, в то же самое время нельзя выбрать другое. Все сведется к упорядочению предпочтений и альтернативным издержкам. Для того чтобы считать эту ситуацию конкуренцией, нужно иметь двух разных агентов, вступающих в определенные отношения.

Независимость, разность, автономия — все эти слова близкого ряда сами по себе понятия, далекие от определенности. Имеется множество различных идеологических традиций, постулирующих, что означает для двух людей быть автономными или независимыми друг от друга либо свободными. Тотьев К. совершенно справедливо обратился к теме позитивной или негативной свободы, так как существует очень важная классическая либеральная традиция, связанная с негативной свободой. Но есть и другая традиция, связанная с позитивной свободой, а также третья, на которую, на мой взгляд, особенно стоит обратить внимание, обсуждая российскую антимонопольную политику. Это так называемая республиканская политическая традиция, республиканский идеал свободы, который в Европейском университете развивает Хархордин О. Республиканская традиция предполагает, что ты свободен, если не находишься ни в чьей произвольной власти. Собственно говоря, примерно так российские антимонопольные органы и понимают свободу экономической деятельности. Полагаю, что связь между конкуренцией и свободой — это хороший предмет для еще одного заседания круглого стола, полезность которого обозначил Тотьев К.

Теперь по поводу поставленных сегодня вопросов. Обозначу лишь некоторые аргументы. Есть причины стремиться к конкуренции, более того, к свободной конкуренции в смысле *laissez-faire* (принцип невмешательства). Тем не менее такая конкуренция является не самоцелью, а некоторым побочным следствием чего-то еще, т. е. инструментальной ценностью. И если искать ценностные основания, то в одном пункте я не соглашусь с Авдашевой С., а в другом, наоборот, решительно соглашусь. С одной стороны, как мне представляется, конкуренция черпает свою ценность не в благосостоянии, а в свободе, но с другой — считаю, Авдашева С. очень правильно сказала, что на самом деле в философской литературе нет недостатка в обсуждениях и публикациях, посвященных теме конкуренции, только данная тема обсуждается в контексте свободы выбора. По существу конкуренция является обратной стороной этого явления. Мизес Л., представляя мир без конкуренции, говорит, что это не просто социалистическая экономика, а социалистическая экономика, где каким-то диктаторским образом для каждого человека определяется его место в жизни. Но самое главное, по Мизесу Л., чтобы все граждане такого социалистического государства это совершенно безразлично принимали, не пытались каким-то образом повлиять на данное решение. Если бы мы получили такую страну, это и был бы мир, лишенный конкуренции. Итак, конкуренция связана со свободой выбора, желанием совершать выбор, и если бы я попытался представить конечное основание такой ценности, то в первом, наиболее техническом и деловом приближении определил бы его как свободу договора в широком смысле.

Однако свобода договора — вещь сама по себе техническая и не очень вдохновляющая. Лучше говорить о ней в контексте свободы ассоциаций. Весь наш мир состоит из множества частичных ассоциаций, каждая из которых создается по определен-

ному вопросу и существует определенный срок: семья, церковь. Рыночная сделка — тоже ассоциация, отличающаяся и от семьи, и от церкви целью и длительностью отношений. И если мы представляем желательным идеал свободы ассоциаций вообще, а это классическая либеральная ценность, более фундаментальная, чем конкретные экономические вопросы, принимаем данную ценность, то у нас будут причины стремиться к свободной конкуренции.

В завершение хотелось бы обратить внимание на работу «Анархия, государство и утопия»⁹ известного политического философа Нозика Р., в которой одна из центральных частей целиком посвящена теме конкуренции, понимаемой в контексте свободы ассоциаций. Книга состоит из двух частей, в одной из них — для нашего разговора она может быть не очень важна — представлено обоснование минимального государства через локковскую теорию прав собственности. Вторая линия аргументации, которая приводится в последней части, — это то, что Нозик Р., уже не обращаясь к теории собственности, называет «рамкой для утопии». В ней рассматривается свобода ассоциаций, исследуются отношения между человеком, входящим в некоторую ассоциацию, и другими ее членами. Подобные отношения обсуждаются на основе прямых параллелей с принятием на работу в такую ассоциацию, как фирма, анализируются условия, при которых каждый получит адекватное возмещение своего вклада в деятельность ассоциации. Нозик Р. указывает на то, что у философов благодаря экономистам есть серьезная модель для обсуждения отношений такого рода. Получается, что утопия Нозика Р. в существенной степени основана на отношениях конкурентного рынка и распространяется на случаи, которые не похожи на обычные рыночные сделки.

⁹ Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН. 2008.

Еще одно небольшое наблюдение. Слушая сегодняшний разговор, я отчасти убедился в своих предположениях, что в тот момент, когда мы начинаем обсуждать конкуренцию, оказывается, что у нее отдельно взятой очень мало сторонников. Только Радаев В. говорит о том, что есть случаи, когда она является самоценностью, соревнованием, а соревнование — это именно то, что хочется получить. Однако прозвучало мнение, что конкуренция в каком-то смысле нежелательна и связана исключительно с недостатками и несовершенствами нашего мира. С другой стороны, в рамках нынешней экономической системы, возможно, она неиз-

бежна и не нуждается ни в каком отдельном объяснении и обосновании, это такая пакетная сделка, где вы принимаете либо все, либо должны купить другой пакет. Наконец, существует мнение, с которым я согласен, что ценность конкуренции инструментальна, может быть, она связана со стремлением к экономическому благосостоянию, или с определенным пониманием справедливости в экономическом обмене, или с ценностью свободы человеческих ассоциаций. Тем не менее конкуренция является входной точкой для обсуждения множества других тем, на первый взгляд, с конкуренцией никак не связанных.

ROUND-TABLE DISCUSSION

«THE COMPETITION — A CONTROVERSIAL IDEAL»

This publication is a detailed report of the round table discussion «Competition — a controversial ideal» organized by the Higher School of Economics and the Academy of National Economy under the Government of the Russian Federation in December 20, 2010.

The round table were made by experts in the field of social and moral philosophy, economic sociology, law and economics of industrial markets. At the round table were discussed various aspects of understanding the nature and content of the phenomenon of competition, its justification as a social phenomenon, and other issues of an interdisciplinary theory of competition.

Key words: universal and instrumental value of competition, forms and models of competition, antitrust regulation, the moral justification of competition.